

ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛѢ.

Адресъ Редакціи: Москва, Крымскій проѣздъ, № 3, кв. 9.

Рукописи должны доставляться въ редакцію четко переписанными, за подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
1 и 16
каждаго
мѣсяца.

Годовая цѣна 5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, неостребованные въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, 1-го іюля с. г., въ Царской Ставкѣ, Всемилостивѣйше соизволилъ на утвержденіе пожалованій главнокомандующими арміями, за отлично-усердную службу и особые труды, понесенные во время военныхъ дѣйствій, орденовъ: **Св. Анны 2 й ст. безъ мечей**—священнику 209 полевого запаснаго госпиталя *Павлу Гинтовту* (помощникъ настоятеля Кѣлецкаго собора), и **Св. Анны 3-й ст. безъ мечей**—священнику бригаднаго лазарета 1-й Стрѣлковой бригады *Михаилу Сперанскому* (священникъ Лодзинскаго собора).

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Преосвященному Іоасафу, Епископу Новогеоргіевскому, временно Управляющему Варшавскою епархією.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 5 Іюля 1916 года за № 5642, о томъ, что Августѣйшій Предсѣдатель Общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великій Князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛО-

ВИЧЪ въ рескриптѣ на имя его, Оберъ-Прокурора, сообщилъ, по просьбѣ названнаго Общества, о желательности, въ виду появившихся въ печати свѣдѣній касательно продажи частнымъ лицамъ старинныхъ иконъ, изданія Святѣйшимъ Синодомъ распоряженія о недопустимости впредь продажи или пожертвованія какихъ-либо священныхъ или освященныхъ предметовъ церковной собственности, особливо по единоличному распоряженію священника. **Приказали:** Обсудивъ настоящее предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора и имѣя въ виду, что древними церковными канонами (Апост. пр. 38 и Ант. соб. пр. 24) и новѣйшими узаконеніями, а равно и распоряженіями Святѣйшаго Синода (Уст. Дух. Конс. ст. 133, 136; указъ 31 Мая 1853 г.; опред. отъ 10 Октября—16 Ноября 1890 г. № 1694; опред. 31 Января—29 Февраля 1902 года № 754) постановляется тщательно охранять отъ незаконнаго пользованія, утраты и присвоенія церковное достояніе и въ этихъ цѣляхъ составлять подробныя описи утвари, иконъ, книгъ и другихъ предметовъ церковнаго обихода или достопримѣчательныхъ вещей, хранимыхъ при церквахъ, Святѣйшій Синодъ, вслѣдствіе сообщенныхъ въ вышеизъясненномъ предложеніи свѣдѣній, опредѣляетъ: по духовному вѣдомству о недопустимости, безъ надлежащаго разрѣшенія, продажи, пожертвованія или передачи частнымъ лицамъ и учрежденіямъ какихъ-либо священныхъ или освященныхъ предметовъ церковной собственности по единоличному распоряженію благочинныхъ, настоятелей, причтовъ или церковныхъ старостъ, призванныхъ, по своимъ обязанностямъ, къ всемирному охраненію и сбереженію церковнаго достоянія, особливо же примѣчательныхъ въ томъ или иномъ отношеніи церковныхъ предметовъ. О чемъ, для должнаго руководства по

духовному вѣдомству, Синодальнымъ Конторамъ, Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Протопресвитеру военнаго и морского духовенства и Завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ послать циркулярные указы. Іюля «21» дня 1916 года.

Подлинный указъ подписали:

Оберъ-Секретарь В. Крючковъ.

Секретарь В. Веденскій.

Отъ Варшавской Духовной Консистоіи.

Печатаемая настоящій Синодальный указъ, Консистоіа предписываетъ о.о. благочиннымъ и настоятелямъ церквей епархіи таковой принять къ свѣдѣнію, а въ потребныхъ случаяхъ къ руководству и исполненію.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Протоіерей о. Ѳеодоръ Морозовъ о послѣднихъ дняхъ своего пребыванія въ Новогеоргіевскѣ, и о злоключеніяхъ своихъ въ плѣну у нѣмцевъ.

Настоятель Новогеоргіевского крѣпостнаго собора, протоіерей о. Ѳеодоръ Морозовъ, взятый нѣмцами въ плѣнъ при паденіи крѣпости Новогеоргіевскѣ и въ концѣ ноября 1915 года по болѣзни возвращенный въ Россію, въ письмѣ къ Преосвященному Іоасафу, епископу Новогеоргіевскому, управляющему Варшавской епархіей сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній, какъ о паденіи крѣпости и послѣднихъ дняхъ ея существованія, такъ и тѣхъ горестяхъ и обидахъ, которыя ему, какъ плѣннику, пришлось претерпѣть отъ нѣмцевъ по пути въ Германію и во время пребыванія въ концентраціонныхъ лагеряхъ военнопленныхъ. Изложенныя просто, во всей жизненной наготѣ, свѣдѣнія эти еще разъ фактически подтверждаютъ жестокости и грубости нѣмцевъ въ обращеніи съ плѣнными, и какъ исходящія отъ лица, отличающагося совершенною правдивостію и заслуживающаго полного довѣрія, имѣютъ и документальную цѣнность. Съ благословенія Преосвященнаго Іоасафа печатаемъ извлеченія изъ этого своего рода историческаго документа и именно тѣ его части, которыя имѣютъ общественный интересъ.

Тяжелое положеніе крѣпости, по словамъ о. протоіерея Морозова, началось съ послѣднихъ дней іюня, когда наша армія отступала отъ Варшавы.

Въ первой же половинѣ іюля выяснилось, что крѣпость долго не можетъ продержаться.

„Доктора, пишетъ о. Морозовъ, совѣтовали мнѣ, какъ болѣе другихъ слабому физически, уѣхать изъ крѣпости. Но я этому совѣту не могъ послѣдовать. При началѣ войны я далъ слово коменданту умереть, исполняя свой долгъ въ алтарѣ или на позиціи.

За три дня до паденія крѣпости все, начиная съ коменданта приготовились къ смерти исповѣдью и причащеніемъ. Что было въ послѣдніе дни въ крѣпости, этого описать невозможно—это можно только чувствовать. Смерть слѣдила за каждымъ изъ насъ, какъ тѣнь за тѣломъ. 6-го августа бомбардировка была съ ранняго утра и до 9^{1/2} часовъ вечера, когда нѣмцы вошли въ цитадель. Окопы полны были трупами нѣмцевъ и русскихъ, валы, площади, дороги—все это было устлано мертвыми тѣлами и трупами животныхъ. Снаряды разрывались безпрестанно. Оборонительныя казармы, начиная отъ царскихъ покоевъ и кругомъ всей цитадели до самаго выѣзда въ Закрочимъ, сгорѣли. У колокольни собора отвалило уголь, снарядомъ обрушенъ потолокъ собора около западной двери, гдѣ свѣчной ящикъ. Ужасъ бомбардировки начался 3 августа съ дачи архіерейской, откуда постоянно звонили ко мнѣ по телефону, спрашивая, что дѣлать со святыней храма.

4-го собрались ко мнѣ священники частей за совѣтомъ, что имъ дѣлать и гдѣ находиться. Однихъ изъ нихъ я отправилъ въ Новый Дворъ, другихъ за Вислу, третьихъ въ Закрочимъ, четвертыхъ къ Помѣхову и трое осталось въ цитадели при мнѣ. Изъ соборнаго причта находились при мнѣ діаконъ Москвинъ и псаломщикъ Фальковскій и діаконъ изъ Александровской колоніи Томецкій. 5-го августа ко всеобщей прибыли три священника, которые соборно совершили сомною всеобщее. Послѣ всеобщаго все исповѣдывались. 6-го раннюю обѣдню подъ выстрѣлами служили двое, позднюю служилъ я и священникъ дружины подъ грохотъ и разрывъ снарядовъ. По окончаніи литургіи, я сказалъ ободрительное слово, освятилъ плоды. А когда вышелъ изъ собора, то едва дошелъ до квартиры, снаряды постоянно падали. Въ квартирѣ не пришлось напиться чаю. Снарядъ разорвался около стѣны моей квартиры, выскочили рамы, и я поспѣшилъ къ госпиталю, который переведенъ былъ въ каменное помѣщеніе около инженернаго сада. Когда я шелъ, упалъ снарядъ и не вдали отъ меня убилъ пару лошадей, кучера и офицера штаба

крѣпости. Близъ госпиталя безопасности не было. Снаряды перелетали и попадали въ госпиталь, а однимъ снарядомъ выбить простѣнокъ, шрапнелью и кирпичами завалило и ранило больных снова. Всѣ, кто имѣлъ возможность двигаться, выскочили изъ госпиталя полураздѣтые; а въ проходѣ, гдѣ они помѣстились, сквознякъ. Вынужденъ я былъ подъ непрерывными выстрѣлами убѣждать и уговаривать больных возвратиться въ госпитальное зданіе, въ нижній этажъ. Когда взята была крѣпость, священники пошли напутствовать умирающихъ.

Нѣмцы окружили насъ своимъ конвоемъ и сейчасъ погнали насъ изъ крѣпости, не давъ позволенія войти въ квартиры. Кто въ чемъ былъ одѣтъ, тотъ въ томъ и пошелъ въ Германію. Я въ одномъ холодномъ подрясникѣ и такой же рясею очутился въ плѣну. Чго претерпѣли во время путешествія въ Германію, и сейчасъ страшно вспомнить. Изъ крѣпости, при ночной темнотѣ, разрывѣ снарядовъ изъ за Вислы, при дождѣ, пѣшкомъ насъ вели до Помѣхова, — это верстъ семь. На Помѣховѣ, въ разрушенной казармѣ, на сквознякѣ со всѣхъ сторонъ, насъ съ 2 часовъ пополночи продержали до 7 часовъ. Какъ я не схватилъ воспаленія легкихъ, — это объяснить можно только чудомъ милости Божіей. Со мной было три священника и Александровской колоніи діаконъ съ женою. Съ Помѣхова намъ 6-ти чело-вѣкамъ дали одну подводу и мы цѣлый день подъ дождемъ ѣхали голодные и мокрые. И опять только чудо милости Божіей спасло насъ отъ простуды. 8 го августа на пути къ Полтуску опять ѣхали цѣлый день. А на ночь загнали насъ всѣхъ въ зданіе тюрьмы, гдѣ не только не было коекъ, но и ни одной горсти соломы, и всѣ биткомъ повалились на асфальтовомъ полу.

Чѣмъ дальше подвигались, тѣмъ больше испытывали всякія притѣсненія и лишенія. Въ польскихъ мѣстностяхъ, близкихъ къ Новогеоргіевску, отсутствіе населенія лишало насъ возможности купить чего-нибудь съѣстного. Въ дальнѣйшихъ мѣстахъ отъ Новогеоргіевска жители поляки и евреи являлись съ съѣстными продуктами, но нѣмцы прогоняли ихъ и лишали насъ возможности что либо купить для удовлетворенія голода. А когда переступили въ Германію, то тамъ не только не продавали намъ ничего съѣстного, но даже и воды не давали для удовлетворенія жажды. Безъ пищи и воды, насъ вели чуть не цѣлый день. А когда посадили въ поѣздъ, то цѣлые сутки везли насъ, не позволяя выходить на станціяхъ.

Не отрадиѣе было намъ въ лагерѣ военно-плѣнныхъ, въ особенности мнѣ. Окружавшіе крѣпость нѣмцы колонисты оказались нашими конвоирами. Они сообщили о мнѣ, что я возбуждалъ всѣхъ противъ нѣмцевъ. За это меня лишили права покупать хлѣбъ, который въ опредѣленномъ количествѣ приобрѣтался всѣми офицерами и священниками ¹⁾. Я протестовалъ, протесты мои не удовлетворялись. Я подалъ жалобу Испанскому Посланнику, прося его защиты. Разумѣется, нѣмцы жалобу не отправили (мы, всякое свое письмо посылали черезъ нѣмцевъ). Я пожаловался нѣмецкому инспектору по лагерямъ военно-плѣнныхъ, который сначала накричалъ на меня за то, что я осмѣлился жаловаться Испанскому Посланнику. Но крика его я не убоюсь. „Чго если бы Вамъ, генераль, три дня не позволили покупать хлѣба, сказалъ я ему, то Вы стали бы цѣлому міру жаловаться“. „Развѣ Вы не получаете хлѣба?“ — „Не только не получаю, но вотъ ужъ три дня я лишень права купить хлѣба даже за свои деньги“. — Видя свою неправоту, генераль перемѣнилъ тонъ и высказалъ безъ крика: „за три дня Вамъ отдадутъ хлѣбъ“. — „Небольшое для меня утѣшеніе, что мнѣ за три дня отдадутъ хлѣбъ“.

Такимъ смѣлымъ разговоромъ въ присутствіи нѣмецкихъ офицеровъ и русскихъ инспекторъ былъ удивленъ. И съ этой поры стали выдавать мнѣ хлѣбъ не офицерскій, какъ другимъ, а солдатскій. Этимъ хлѣбомъ кормили меня цѣлый мѣсяцъ ²⁾, и въ тоже время я былъ поставленъ подъ строжайшій надзоръ, чтобы найти вину къ наказанію меня смертною казнію чрезъ разстрѣлъ. При моемъ правильномъ образѣ жизни ожиданія ихъ не осуществились. Вслѣдствіе этого и добраго отзыва обо мнѣ нашихъ генераловъ и офицеровъ отношенія нѣмцевъ стали измѣняться. Вмѣсто извиненія они стали присылать ко мнѣ своихъ агентовъ, говорящихъ по русски, которые обѣщали, что я буду пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются генералы, т. е. я буду имѣть право покупать хлѣбъ офицерскій и буду получать 100 марокъ въ мѣсяцъ, какъ получаютъ всѣ, начиная съ капитана до полного генерала включительно. Я требую, чтобы это исполнено было скоро. Меня несправедливо обижаютъ. Конецъ этой обидѣ положилъ пріѣздъ русской сестры

¹⁾ На недѣлю позволялось покупать 4 фунта хлѣба къ обѣду, состоявшему изъ бульона; хлѣба не давалось, а больше картофель. И за этотъ обѣдъ съ насъ брали по 45 марокъ въ мѣсяцъ.

²⁾ Хлѣбъ офицерскій плохъ, а солдатскій, приготовленный изъ разныхъ веществъ, а не изъ муки, еще хуже.

милосердія Параскевы Александровны Казенбекъ вмѣстѣ съ уполномоченнымъ Шведскаго Краснаго Креста.

Получивъ то, чѣмъ давно пользовались наши плѣнные офицеры, я не гнулъ шеи передъ нѣмцами и теперъ. Комендантъ лагеря нѣмецъ, не посовѣтовавшись со мною, назначаетъ одного изъ подвѣдомственныхъ мнѣ священниковъ въ лагерь военноплѣнныхъ. Я протестую. И на будущій разъ эти назначенія происходили съ моего согласія. Стѣнительно было мнѣ безъ привычки жить съ другими въ баракахъ, я сталъ требовать отдѣльнаго помѣщенія и дали мнѣ комнату во всѣ стороны 4 шага, съ однимъ окномъ. Неудобно было совершать богослуженіе въ манежѣ (богослуженіе совершалось ежедневно), я потребовалъ лучшее помѣщеніе и требованіе мое удовлетворено. Подъ конецъ моего пребыванія въ Германіи меня не обижали и даже мои отказы исполнять ихъ требованія они—нѣмцы принимали въ резонъ. Подъ конецъ пребыванія въ плѣну при мнѣ находился одинъ только священникъ, развѣзавшій по мѣстностямъ германцевъ къ военноплѣннымъ. Когда этого священника потребовали въ другое мѣсто, я запротестовалъ на томъ основаніи, что я слабъ физически и страдаю болѣзнію глазъ, нуждаюсь въ отправленіи въ Россію, и протестъ мой уваженъ, священникъ остался при мнѣ и въ скоромъ затѣмъ времени дали мнѣ возможность возвратиться въ Россію. При отправленіи возвратили мнѣ всѣ деньги, которые при началѣ у насъ отбирались. Кромѣ этого по особому распоряженію изъ Берлина, выдали дополнительное содержаніе по 150 марокъ за каждый мѣсяць. До станціи желѣзной дороги меня и раненыхъ офицеровъ отправили въ каретѣ, хотя за это взяли съ cadaго изъ насъ по маркѣ. Въ поѣздѣ предоставленъ былъ вагонъ 1-го класса. Въ пограничномъ съ Швеціею городкѣ—Застницѣ поѣздъ встрѣтили городскія власти и помѣстили насъ въ хорошей гостиницѣ, гдѣ угостили ужиномъ вечеромъ и завтракомъ поутру, бесплатно. Вздумали задобрить, чтобы я не высказалъ въ Россіи объ ихъ варварскомъ отношеніи къ военноплѣннымъ. Напрасно они это дѣлали. Я, какъ духовное лицо, не могъ покривить душою, и лишь только переступилъ границу Германіи, громко говорилъ о нѣмецкомъ звѣрствѣ. въ особенности въ Петроградѣ и при самой встрѣчѣ на вокзалѣ и вездѣ, куда приходило множество посѣтителей—знакомыхъ и незнакомыхъ, желавшихъ получить точныя свѣдѣнія о

состояніи и участи военноплѣнныхъ въ Германіи“.

Въ этомъ письмѣ—все достойно вниманія, но есть многое, останавливающее на себя особенное вниманіе. И прежде всего нужно отмѣтить полное спокойствія и мужества, чисто русское приготовленіе къ ясно сознаваемой смертной опасности. Начиная съ коменданта, всѣ въ виду близкаго паденія крѣпости и возможной смерти cadaго исповѣдались и причастились Св. Тайнъ. Наканунѣ паденія крѣпости въ крѣпостномъ соборѣ четыре священника соборне совершаютъ праздничное всенощное бдѣніе, какъ бы символизируя этимъ, что все временное, какого бы ужаса ни было исполнено, преходяще, ничтожно по сравненію съ божественнымъ, вѣчнымъ. Въ самый день паденія крѣпости, въ послѣдніе часы ея агоніи, во время самой жестокой бомбардировки, въ томъ же соборѣ совершаются двѣ литургіи—ранняя и поздняя. И трогательная подробность. Настоятель собора не только говоритъ еще ободрительное слово, но и освящаетъ плоды. Въ такое невыносимо тяжкое время, когда естественно потерять голову, установленіе церковное однакоже выполняется.

Также останавливаетъ на себѣ вниманіе и отношеніе нѣмцевъ къ плѣнному о. Морозову. О. протоіерей Морозовъ хорошо извѣстенъ, какъ человѣкъ прямого, открытаго, безстрашнаго характера. Своею безбоязненностью, прямою и законностью своихъ требованій онъ, безъ сомнѣнія, не могъ не внушать нѣмцамъ уваженія къ себѣ. Но мы знаемъ, что нѣмцы не особенно склонны преклоняться предъ проявленіями нравственной, духовной силы. Преимущественное значеніе они придаютъ силѣ физической. И если они, однако, находили нужнымъ считаться съ требованіями о. Морозова, то, можно думать, по проснувшемуся въ нихъ чувству отвѣтственности; ихъ оставило сознаніе полной безнаказанности. И если мы не ошибаемся, если такъ на самомъ дѣлѣ, то это вѣрный знакъ истощенія нѣмцевъ и ослабленія ихъ военной силы.

23 ноября прошлаго 1915 года о. Морозовъ прибылъ въ Петроградъ. Съ 1 апрѣля настоящаго 1916 года онъ состоитъ священникомъ въ лазаретѣ № 4 Георгіевской общины Краснаго Креста въ Полоцкѣ, помѣщаемая въ зданіи Полоцкаго кадетскаго корпуса. 18 сентября настоящаго года исполнятся 50-лѣтіе священства о. Морозова. Пожелаемъ досточтимому о. протоіерею, достойно потрудившемуся на пользу Церкви и

отечества, въ добромъ здоровьи встрѣтить свой юбилей и еще долго въ мѣру силъ своихъ послужить Церкви Божіей.

Изъ Польши.

Въ корреспонденціяхъ изъ Польши до сихъ поръ слишкомъ мало обращалось вниманія на городъ Лодзь несмотря на то, что здѣсь германскія оккупационныя власти всегда чувствовали себя и крѣпче, и устойчивѣе, и что на основаніи того, что происходитъ въ этомъ городѣ, можно заключить о томъ, что ожидаетъ другіе города, если въ нихъ Германія будетъ чувствовать себя столь же крѣпко, какъ въ Лодзи.

По сообщенію краковской газеты „Czas“, въ январѣ текущаго года полиція распорядилась устранить дощечки съ названіями улицъ на польскомъ и русскомъ языкахъ и замѣнить ихъ новыми названіями на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, причемъ къ польскому названію прибавлялось слово „Strasse“. Получились названія: „Przejazdstrasse“, „Zarzeczeestr.“, „Pulnocstrasse“ и т. под. Эта „реформа“ еще не была доведена до конца, какъ полицей-президентъ фонъ-Оппенъ, нынѣ оставившій свой постъ и уѣхавшій въ Берлинъ въ качествѣ помощника продовольственнаго диктатора Батоцкаго, принялся за болѣе радикальную реформу.

Починъ въ этой реформѣ принадлежитъ „германскому союзу г. Лодзи и окрестностей“ (Deutscher Verein für Lodz und Umgebung). Это союзъ, исходя изъ того, что г. Лодзь „всегда былъ чисто нѣмецкимъ городомъ, обратился съ докладной запиской и къ фонъ-Безелеру, и къ фонъ-Оппену, въ которой настаивалъ на сохраненіи (!) въ Лодзи чисто нѣмецкихъ названій улицъ... Власти отнеслись весьма сочувственно къ этому предложенію, и реформа была проведена полностью. Около 400 улицъ получили чисто нѣмецкія названія. Такъ, напримѣръ, улица Пржеяздъ перекрещена въ „Meisterhaustrasse“, такъ какъ въ оное время нѣмецкіе колонисты давали этой улицѣ такое названіе. Улица Подржечна перекрещена въ „Am Bach“, Законтная — въ „Im Winkel“ и т. д. Эти названія употребляются и въ официальныхъ документахъ, а если принять во вниманіе, что въ магистратѣ, судѣ, почтѣ, полиціи и другихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ все дѣлопроизводство происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, то станетъ яснымъ, что польскія названія благодаря этой реформѣ хотя и красуются на

дощечкахъ, но фактически устранены и изъяты изъ употребленія. Нельзя не отмѣтить еще и того, что такая реформа внесла прямо невѣроятную путаницу, — нѣкоторыя улицы имѣютъ кромѣ польскаго названія еще два нѣмецкихъ, — официальное и неофициальное, какъ, напримѣръ, улица Kolojowa, Bahnstr., Eisenbahnstr. или Ogrodowa, Gartenstrasse и Parkstrasse..

Приѣзжіе германскіе чиновники по цѣлымъ часамъ блуждаютъ по городу, не будучи въ состояніи разобраться въ этомъ разнообразіи названій. Но это не смущаетъ инициаторовъ этой великой реформы, и въ самое послѣднее время ими внесено новое предложеніе о переименованіи парка князя Понятовскаго въ паркъ... Гинденбурга.

Мы остановились только на этомъ явленіи, но оно типично для всѣхъ гакатистическихъ проявленій въ Лодзи. Совѣщанія городского управленія ведутся на нѣмецкомъ языкѣ, и рѣчи поляковъ переводятся въ сокращенномъ видѣ на нѣмецкій и т. д.

Но у жителей нѣтъ даже того утѣшенія, что вмѣстѣ съ нѣмецкой гакатой они получили германскую организацію, что избавлены хотя бы только отъ голода.

По сообщенію газеты „Dziennik Narodowy“, въ настоящее время въ Лодзи почти нѣтъ съѣстныхъ припасовъ. Магазины пусты, пекарни чаще пусты, чѣмъ полны. Крупы и гороху Лодзь уже очень давно не получаетъ. Картофель Лодзь получаетъ только седьмую часть самаго необходимаго количества для удовлетворенія минимальныхъ потребностей широкихъ слоевъ населенія. Комитетъ распредѣленія хлѣба и муки получаетъ тоже уменьшенное количество муки, въ виду чего пришлось уменьшить выдаваемый на двѣ недѣли паекъ. Раньше выдавалось на указанное время на чело-вѣка по $5\frac{3}{4}$ фунта хлѣба и $1\frac{1}{2}$ фунта муки; нынѣ на 14 дней выдается $4\frac{3}{4}$ фун. хлѣба (менѣе $\frac{1}{3}$ фунта въ день!) и по 1 фунту муки ($\frac{1}{14}$ фун. въ день!).

Такое положеніе дѣлъ вызвало въ населеніи серьезныя волненія. Сила, конечно, оказалась на сторонѣ оккупационныхъ властей, и „порядокъ водворенъ“. Эти власти отдають себѣ ясный отчетъ въ настроеніи населенія, и возлѣ всѣхъ складовъ съ запасами поставленъ надежный караулъ. Склады съ запасами уцѣлѣютъ, но уцѣлѣетъ ли населеніе, это — другой вопросъ. Надняхъ представители трамвайныхъ служащихъ обратились къ дирекціи трамваевъ съ просьбой принять мѣры къ тому, чтобы трамвайные служащіе имѣли возможность приобрѣтать пищевые

продукты, такъ какъ вслѣдствіе постоянной голодовки они доведены до такого истощенія, что не въ состояніи выполнять возложенную на нихъ работу... Отвѣта на это ходатайство еще нѣтъ.

Эти тяжелыя условія и полное разочарованіе въ томъ, что теперешнее городское управленіе способно пособить горю, побудило лодзинскихъ домовладѣльцевъ возбудить ходатайство передъ ген.-губернаторомъ фонъ-Безелеромъ о дарованіи Лодзи такого же блага, какое выпало на долю Варшавы, въ видѣ выборнаго городского самоуправления...

Въ Варшавскомъ городскомъ совѣтѣ.

24 іюля нов. ст. состоялось торжественное открытіе варшавскаго городского совѣта — органа городского самоуправления польской столицы. Какъ сообщаетъ Петроградскій „Kurier Nowy“, историческій актъ былъ совершенъ въ залѣ ратуши. Молебствіе совершилъ архіепископъ Каковскій. Оркестръ и хоръ варшавской оперы исполнили польскій гимнъ: „Boze cos Polske“.

На молебствіе прибыли: представитель нѣмецкой администраціи гр. Квилецкій, президентъ горсда кн. З. Любомирскій, комендантъ милиціи кн. Радзивиллъ, весь составъ профессоровъ, а также многочисленная публика.

Одновременно въ еврейской синагогѣ состоялось богослуженіе по поводу этого событія.

Въ полдень, ровно въ 12 час., надъ ратушей былъ поднятъ польскій національный флагъ.

Первую рѣчь произнесъ президентъ города кн. З. Любомирскій. Князь призывалъ совѣтъ стоять на стражѣ интересовъ края и города: „всѣмъ намъ свѣтитъ одна и та же цѣль, одно стремленіе: благополучіе довѣреннаго намъ дорогого дѣла на порогѣ новой восходящей жизни нашей самостоятельной отчизны „Польши“.

Вторымъ говорилъ предсѣдатель городского совѣта — ректоръ І. Брудзинскій.

Ораторъ подробно излагалъ исторію Варшавы въ связи съ этапами исторіи ея самоуправления. Вплоть до опубликованнаго весной 1915 года закона о распространеніи дѣйствующаго въ російской Имперіи городского положенія на губерніи Царства Польскаго. Коснувшись въ дальнѣйшемъ огромной творческой работы, совершенной жителями Варшавы въ общественныхъ организаціяхъ за время войны, І. Брудзинскій выразилъ свою увѣренность въ плодотворной дѣятельности городского совѣта, закончивъ свою рѣчь словами:

— Партійныя разногласія не помѣшаютъ намъ, ибо мы дожили до того времени, когда уже нѣтъ среди насъ такихъ, которые говорятъ: пусть лучше Польша будетъ въ неволѣ, чѣмъ если бы она воскресла для демократіи. Мы дожили до того момента, когда мы поняли, что нужно „сѣять любовь въ отчизнѣ и духъ самопожертвованія, и вырастетъ великая и могучая Рѣчь Посполитая“.

Послѣднія слова заглушили взрывъ аплодисментовъ и крикъ: „Да здравствуетъ Польша!“

Затѣмъ гласнымъ Бабинскимъ была оглашена декларация отъ имени всѣхъ группъ, вошедшихъ въ составъ городского совѣта.

„Въ минуту величайшаго напряженія настоящей войны, принесшій народу польскому бремя матеріальныхъ невзгодъ, но въ то же время давшей ему надежду на восстановленіе своего государства, было призвано къ жизни варшавское самоуправленіе.

Сознавая важность настоящаго историческаго момента, будящаго въ народѣ столь великія ожиданія, мы, первый совѣтъ столицы польской, составленный въ крупномъ большинствѣ своемъ при помощи добровольнаго патріотическаго соглашенія различныхъ общественныхъ слоевъ и политическихъ группъ, дѣлаемъ въ первомъ очередномъ засѣданіи своемъ слѣдующее заявленіе:

Призванные къ хозяйственной и культурной работѣ, мы приложимъ всѣ силы и способности наши къ тому, чтобы поднять хозяйственную и культурную жизнь Варшавы въ національномъ духѣ, на основѣ гражданскаго равноправія, чтобы облегчить тѣ несчастья и тяготы, которыя война уже принесла и, быть-можетъ, и еще принесетъ городу, и прежде всего помочь матеріально и морально трудящемуся населенію, такъ сильно пострадавшему отъ войны. Эту работу нашу мы будемъ исполнять въ убѣжденіи, что самоуправленіе Варшавы, — первый шагъ къ возрожденію польскаго государства, располагающее органами и средствами, выражающими и обеспечивающими его независимость, — такова высшая цѣль прошлыхъ и нынѣшнихъ усилій народа польскаго. Это — и та святая цѣль, къ которой мы стремимся.

Убѣжденные, что теперешняя война осуществитъ эту цѣль, привѣтствуемъ вѣрныхъ сыновъ отчизны, которые вотъ уже полтора столѣтія, какъ проливали и проливаютъ свою кровь за свободу и независимость Польши“.

Послѣ оглашенія декларации — снова взялъ слово предсѣдатель совѣта Брудзинскій, подчеркнувшій важное значеніе консолидаціи всѣхъ

партийныхъ группъ вокругъ одного лозунга,— независимости Польши. Послѣдними выступали представители социаль-демократовъ и евреевъ-націоналистовъ.

Въ концѣ засѣданія было прочитано привѣтствіе, присланное варшавскому городскому совѣту городскимъ совѣтомъ Кракова. Совѣтъ Кракова въ своемъ привѣтствіи указываетъ, что тѣ расхожденія, которыя замѣчались въ различныхъ группахъ польскаго народа въ началѣ войны, оказались лишь поверхностными, наносными, и не помѣшали проявиться единству народа въ его основныхъ стремленіяхъ. Это особенно яснымъ стало теперь, когда столица Польши Варшава, уже съ самаго начала показавшая, какъ велики силы и способности польскаго народа въ дѣлѣ организациі польской культурной и политической жизни, снова проявила свой политическій разумъ, объединивъ всѣ партіи въ работѣ надъ одной общей задачей. И Краковъ, въ которомъ это объединеніе партій совершилось еще ранѣе, теперь спѣшитъ заявить Варшавѣ, что онъ чувствуетъ себя съ ней единымъ и нераздѣльнымъ.

„Варшава и Краковъ должны навѣки остаться связанными другъ съ другомъ, какъ два могучихъ, нерушимыхъ краеугольныхъ камня великаго зданія свободнаго польскаго государства, въ скорое воскресеніе котораго мы непреклонно вѣримъ и надъ которымъ въ нашихъ условіяхъ жизни, какъ и вы въ вашихъ, не покладая рукъ, трудимся“.

Вѣсти изъ Варшавы и царства польскаго.

(Изъ газетъ).

Въ Варшавѣ образовался центральный комитетъ для проведенія избирательной кампаніи во время выборовъ въ варшавское городское самоуправленіе.

Центральный комитетъ объединяетъ рядъ общественныхъ организацій, а также слѣдующія шесть партій: національ-демократовъ, реалистовъ, прогрессивное объединеніе, польскихъ прогрессистовъ, народovou группу и сюзъ труда.

Отдѣльно отъ нихъ элементы, принадлежащіе къ «лѣвымъ» партіямъ, сгруппировались въ демократическій комитетъ, во главѣ котораго стоятъ М. Лемпицкій, Сливинскій, Зѣлинскій, Сѣрошевскій и др.

Пока, какъ сообщаютъ, населеніе не проявляетъ особеннаго интереса къ выборамъ.

Нѣмецкая администрація образовала особую комиссію для изученія Царства Польскаго въ географическомъ и торговопромышленномъ отношеніяхъ, въ цѣляхъ установленія соотвѣтствующей экономической политики на основаніи изученныхъ матеріаловъ. Во главѣ научныхъ комиссій стоитъ проф. Максимиліанъ Фридерихсенъ, помощниками его состоятъ проф. Михаель, д-ръ Вундерлихъ, д-ръ Ентенъ, доцентъ Шульцъ и др.

По словамъ «Reichs Post», дѣятельность этой комиссіи вызвала интересъ въ средѣ польскихъ ученыхъ, но до сихъ поръ ни одинъ полякъ не приглашенъ въ составъ этой комиссіи.

Галиційскіе украинскіе политики,—по словамъ «Dzien. Kijow»,—взволнованы слухами о томъ, что перемышльскимъ епископомъ греко-католической (уніатской) епархіи, на мѣсто покойнаго Чеховича, будетъ назначенъ кс. Хомышинъ, нынѣшній епископъ въ Станиславовѣ. Дѣло въ томъ, что Хомышинъ ввелъ у себя въ своей епархіи грегорианскій календарь, сближающій уніатовъ-украинцевъ съ поляками-католиками, что съ украинской точки зрѣнія нежелательно и вредитъ самобытности украинскаго народа въ Галиціи.

Протестъ противъ дѣйствій «Главнаго Комитета».

Какъ сообщаетъ „Dziennik Kijowski“, представители шести крупныхъ политическихъ партій Царства Польскаго обратились къ предсѣдателю галиційскаго „Главнаго Народнаго Комитета“ со слѣдующимъ протестомъ.

„Польскія и нѣмецкія газеты помѣстили на дняхъ текстъ привѣтственной телеграммы, посланной вашимъ превосходительствомъ императору Францу-Иосифу „отъ имени всего объединеннаго польскаго народа“. Въ виду того, что текстъ этой телеграммы былъ одобренъ политическимъ представительствомъ одной только Галиціи, мы полагаемъ, что употребленныя въ немъ слова „отъ имени всего объединеннаго польскаго народа“ должны обозначать только ту часть польскаго народа, которая находится въ предѣлахъ Галиціи, и хотимъ вѣрить, что ваше превосходительство именно такъ ихъ и понимаете.

Нѣтъ поляка, который не стремился бы всѣми

силами къ тому, чтобы дѣйствительно наступила минута объединенія всего польскаго народа въ свободной отчизнѣ, но для достиженія этой цѣли, въ виду грозящихъ Польшѣ прежнихъ и новыхъ опасностей, должны быть употреблены различныя средства. Пониманіе этого положенія вещей должно стать одной изъ основъ внутренней солидарности польскаго народа.

Стремясь къ этому и понимая положеніе Галиціи по отношенію къ Габсбургской монархіи, просимъ ваше превосходительство принять къ свѣдѣнію наше письмо, продиктованное глубокой любовью къ отчизнѣ“.

Кромѣ представителей шести крупныхъ политическихъ группъ, отъ правыхъ до прогрессивныхъ, подъ письмомъ подписались такіе видные общественные дѣятели, какъ Любомирскій, Хржановскій, Держицкій и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ варшавскихъ публицистовъ Кошковскій.

Представители Царства Польскаго, въ виду тѣхъ условій, въ которыхъ оно находится, не могли яснѣе выразить свою основную мысль: если Галиція, въ виду своего положенія въ Австріи, не можетъ отказаться отъ надеждъ на центральныя державы, то Царство Польское предпочитаетъ идти другими путями.

Вѣнскія „Nowiny“, со словъ организатора школьнаго дѣла въ районѣ австрійской оккупации Маріана Рейтера, сообщаютъ, что въ послѣднее время число учебныхъ заведеній въ занятыхъ Австріей губерніяхъ значительно возросло. М. Рейтеръ полагаетъ, что осенью будутъ открыты 15 новыхъ средне-учебныхъ заведеній.

Во главѣ этихъ училищъ стоятъ обыкновенно педагоги изъ Галиціи, а въ составѣ преподавателей имѣются наличныя мѣстныя силы. Какъ извѣстно, въ Варшавѣ возродилась „Школьная Матица“. Въ настоящее время австрійскія власти разрѣшили организовать „Матицу“ въ предѣлахъ „люблинскаго генераль-губернаторства“, т. е. въ районѣ австрійской оккупации. Оканчивающимъ средня учебныя заведенія „въ принципѣ“ разрѣшается вступитъ въ университеты Львова, Кра-

кова и Варшавы. Въ Люблинѣ учреждаются „вышіе педагогическіе курсы“.

Памяти Архіепископа Николая.

20-го іюня, въ полугодовой день кончины архіепископа Варшавскаго Николая, преосвященнымъ Іоасафомъ, управляющимъ Варшавскою епархіею, въ сослуженіи шести священниковъ Варшавской епархіи, пребывающихъ въ Москвѣ, въ Ирринской церкви Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отслужена заупокойная литургія и паннихида по усопшемъ архипастырѣ. Въ то же время, по распоряженію преосвященнаго Іоасафа, изъ суммъ Варшавскаго архіерейскаго дома переведено было сто рублей находящемуся въ Петроградѣ протоіерею Т. Теодоровичу и на эти средства украшена была могила усопшаго архіепископа въ Александро-Невской лаврѣ.

Отъ Редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ заявить, что въ виду крайняго вздорожанія типографскихъ работъ и матеріаловъ она вынуждена сократить объемъ изданія.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣль I. Высочайшія награды.—Указъ Синода.—Отъ Варшавской духовной консисторіи.—Отдѣль II. Протоіерей о. Θ. Морозовъ о послѣднихъ дняхъ своего пребывания въ Новогеоргіевскѣ.—Въ Польшѣ.—Въ Варшавскомъ городскомъ Совѣтѣ.—Вѣсти изъ Варшавы и Царства Польскаго.—Памяти Архіепископа Николая.—Отъ Редакціи.

Редакторъ, Протоіерей В. Шингаревъ.